

Святитель Феофан Затворник

**ГОСПОДЬ
ПОСЛАЛ К ТЕБЕ
НУЖДАЮЩЕГОСЯ**

*Отношение христианина
к достатку*

Святитель Феофан Затворник
Господь послал к тебе нуждающегося.
Отношение христианина к достатку

*Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2477565
Господь послал к тебе нуждающегося (отношение христианина к достатку).: Сибирская
Благовонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-456-7*

Аннотация

Святитель Феофан (в миру Георгий Васильевич Говоров), Затворник Вышенский (1815–1894) – епископ Русской Православной Церкви, богослов, проповедник. До настоящего времени его труды по истолкованию Священного Писания, духовные письма и проповеди просвещают и наставляют читателей в благочестии.

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Блажени милостивии	4
Свою холодность к просящему – не оправдывай	7
Не труби пред собою	8
Письмо благодетелю	9
Житие преподобного отца нашего Прохора, чудотворца[1]	10

Феофан Затворник, святитель, Вышенский Господь послал к тебе нуждающегося (отношение христианина к достатку)

Блажени милостивии

Всякому просящему у тебя дай, – заповедует Господь (Лк. 6, 30). Это одна из первых заповедей в христианстве, о ней часто напоминают и Господь, и святые апостолы и, чтобы расположить нас ревностнее исполнять ее, оградили ее самыми трогательными побуждениями и самыми поразительными угрозами. Всякий это знает и всякий, по совести, считает себя обязанным помогать нуждающимся по силам своим. Между тем, если пересмотреть дела наши построже, то не найдется, может быть, ни одного дела, которое исполнялось бы нами с меньшим вниманием как обязательное для нас вспомоществование нуждающимся. Помогаем кое-как, лишь бы отделаться от докучливого просителя, а иногда и совсем отказываем – и не большею ли частью последнее? И чего не придумали скупость и своекорыстие, чтоб оправдать свою холодность к нуждающимся! Ложность прошений, праздность просителей, свои недостатки, тяжелые времена, необходимость запастись самим на черный день и прочее. Все эти мысли ходят между невнимательными к долгу своему в речах и поговорках, заходят и к внимательным и их нередко сбивают с правого пути действий.

В то время, когда надо помогать, прежде всего приходит на ум такая мысль: да нуждается ли просящий – кто его знает! – и просит, а нужды, может быть, не имеет никакой. Кто говорит, бывают и такие, но знаем ли мы наверно, что то лицо, которое стоит перед нами, действительно принадлежит к этому классу? А если не знаем, так зачем же подозревать, и тем паче отказывать по одному только подозрению? А может быть, это – мать, которая оставила дома голодных детей, или отец семейства, у которого жена больна и дети раздеты, или старшие из сирот бесприютных? Таким, конечно, вы не откажете. Но смотрите так и на всех просящих у вас и не оскорбляйте их подозрением. Что, если действительно нуждающийся, у которого и без того тяжело на сердце, прочитает в глазах ваших такое подозрение? Ведь это только увеличит скорбь и тяготу его, и, вместо утешения, он отойдет от вас еще с большею скорбью. Хорошо ли это? То, что у него не мутно в глазах, лицо не искажено, поступь тверда и одежда не в заплатках, – так он уж, значит, и не стоит вашего милосердия? Так что ж, вы разве хотите, чтоб он дошел до последней крайности, которая, быть может, и начнется тотчас вслед за вашим отказом?

Да разве заповедь Спасителя только тех хочет прикрыть, которым уж некуда деваться, которые не имеют ни крова, ни пищи, ни одежды, ни сил? Нет, для помощи такого рода людям не нужна особая заповедь. Он говорит: *всякому просящему у тебя дай*. Вы и будете давать; только поставьте себе правилом не подозревать просящего, не рисовать позади его картины предполагаемого довольства, а скорее картину крайней нужды и действительно гнетущую его скорбь. Тогда само сердце не даст вам покоя до тех пор, пока вы не облегчите его участи. Ныне много распространяют подозрений на бедных, но на все эти подозрения можно поставить одно решение: удостоверьтесь, кто именно просит не на нужду, такому и не давайте, а отказывать всем потому только, что есть ложные просители, – грех. Святой Иоанн Милостивый не так делал: он не отказывал даже и тем, о коих все знали, что они не

бедны, и когда ему говорили об этом, он отвечал: «Верно, в ту-то пору они терпели крайнюю нужду».

Иногда от просителя мы обращаемся к себе и говорим: «Да где же взять? Едва достает на свои нужды, с трудом сводим концы с концами». Когда не из чего давать, то никто к тому и не обязывает. Подавать должно от избытков: *еще усердие предлежит*, говорит святой апостол Павел, *по елику еще кто имеет, благоприятен есть, а не по елику не имеет. Не бо да иным убо отрада, вам же скорбь*.

Но только правда ли, что у нас ничего не останется за удовлетворением своих собственных нужд? Кроме того, разумно ли определено у нас то, что следует считать своею нуждою? Нужда ведь такое дело, которое очень можно и сократить, и расширить. Исключите расходы на то, что считают нужным привычка, прихоть, тщеславие, пустые требования мира, удовольствия света, – сколько будет оставаться в пользу нуждающихся!.. Положим, что даже и этих ненужных нужд нет, стоит только захотеть, тогда и из самой существенной нужды, из пищи, одежды и прочих потребностей благоразумие всегда сумеет отделить часть Христову. Нуждами отговариваются от вспомоществования только скупцы да расточители.

Говорят еще иногда: «Чего праздно шатаются! Работали бы и таким образом доставали бы себе хлеб!» Требование самое справедливое. И апостол заповедует трудиться, *делая своими руками, чтоб не только удовлетворять своим нуждам, но иметь что уделить нуждающемуся* (Еф. 4, 28). Но, отговариваясь под таким предлогом от вспомоществования, уверены ли вы, что просящий может трудиться? Старому, малому и немощному куда уж там трудиться! Но пусть он и может трудиться, да есть ли у него работа? Иной и готов бы работать, да не к чему рук приложить. В притче о делателях одна часть их до одиннадцатого часу, то есть почти до полуночи не имела работы оттого, что никто не нанимал.

Но пусть и работа будет, да такова ли она, чтоб доставляла средства на все потребности? Как часто трудятся день и ночь, а все томятся нуждами, особенно когда один работает для многих. Хорошо говорить: трудись, но надобно наперед устроить так, чтобы просящий мог пропитать трудом своим и себя, и других. Тогда отказывайте ему, а без того отказывать – все то же, что заставлять его умирать с голоду.

И чего не говорят люди в извинение своей неподатливости и жестокосердия! Один говорит: «Тяжелые времена! Куда уж тут думать о других, хоть бы себя-то прокормить!»

Другой: «Себе нужно, надо припасать денежку на черный день». Третий: «Да разве я один что ли? Есть подостаточнее меня – подадут». Четвертый: «Ну, что же, я и подаю, что попадается под руку». Рассудите милостиво, есть ли тут что-нибудь похожее на правду? Тяжелые времена, говорят, но если они тяжелы для людей достаточных, то во сколько раз тяжелее для бедных? Значит, не прекращать, а увеличивать следует в таких случаях вспомоществование.

Надо, говорят, припасать на черный день, положим, что надо, но ведь и на это должна быть мера. Иначе наши воображаемые будущие нужды никогда не позволят нам помочь бедным в их действительных нуждах. Притом, будущее от нашей ли предусмотрительности зависит или от устройства Промыслом Божиим? Уж, конечно, от последнего. Ну, так привлечите ж к себе милость Божию вашим милосердием к нуждающимся, и тогда будете иметь верный залог благоденствия в будущем. Укажите мне пример, что какой-либо дом разорился от щедродательности неимущим! А я вам укажу тысячи таких, которые пошли по миру от расточительности...

Другой, говорят, подаст – да подаст ли другой-то? А если и он так же скажет: другой подаст, а там третий и четвертый, – не будет ли это значить то же, что оставить бедного на произвол судьбы? Нет, не так. Господь послал этого бедного именно тебе – ты и помоги ему, не пропускай случая, который, может быть, не повторится. «Я ведь подаю, – говоришь ты, – что попадается и когда придется». Хорошо, но значит ли это подавать во всей широте долга

и по всей мере возможности? Значит ли это обращать все внимание и усердие к сему святому делу? И не эта ли небрежность бывает причиною, что пособие попадает не в должные руки и употребляется не как следует? Подаеть кому придется, а тем кто поможет, которых стыд удерживает дома и которые молча терпят, может быть, более, чем вопиющая о себе нужда? Нет, истинно христианское сердоболіе не довольствуется этим; оно само спешит в места бедности, чтобы своими руками осязать раны ее и тотчас же приложить потребный целительный пластырь.

Вот сколько придумано врагом злых помышлений, чтоб отвлекать и добрых людей от вспомоществования! Признаемся, что в большей или меньшей мере мы все, по временам, увлекались ими.

Положим же отселе в сердце своем не поддаваться им более, ибо если все они так слабы пред нашим простым рассуждением, то как устоять им на суде правды Божией, которая видит все – и в делах, и в чувствах сердца до последних сокровенностей?

Блажени милостивии!

Свою холодность к просящему – не оправдывай

Об обязанности помогать бедным нечего и говорить. Ее все сознают и каждый в самом себе носит ходатая за бедных в сродном человеку сострадании к бедствующим. И бедные знают об этом долге, об этой потребности сердца всех и каждого, потому-то и обращаются смело ко всем в полной уверенности, что имеющие достаток не откажутся помочь им от избытков своих.

Но чего же часто не достает? Не достает добрых расположений, какими должно быть окружено и ограждено милостынеподавание. Подают, но не столько, сколько бы должно; подают, но иногда не совсем охотно и с стиснутым сердцем, не щедро, не радушно. От чего ж это сокращается рука и стискивается сердце? От неправых помышлений, которые сбивают с правого пути сердце наше в минуту милостынеподавания. Сердце устремляется к пособию ближнему, но тут же предначертывает меру и способ благотворения. В то же время приходит враг, всевает недобрые мысли и расстраивает все дело: «У себя много нужд, – внушает враг, – да и пойдет ли впрок твоя милостыня?». Сердце-то и сожмется, и дающая рука сократится.

Чтобы направить наше сердце на должное и дать нам силу предотвращать нападение недобрых мыслей при милостынеподавании, апостол заповедует нам смотреть на милостыню, как на сеяние. *При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет, а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет* (2 Кор. 9, 6).

Сеющий, тратя семена на сеяние, нимало не думает, что истощает тем себя, подрывает свой достаток и лишает себя возможности удовлетворять свои нужды. Напротив, сея, он чаёт обогатиться, расширить свои способы и отворотить нужды. Так и ты: сей милостыню, не давая входа мысли, что, выпуская монету из рук или отдавая вещь, ты лишаешь чего-нибудь себя. Ты не тратишь, а приобретаешь, не умаляешь, а умножаешь, не даешь, а получаешь.

Сеющему, когда он бросает семена в землю, и на мысль не приходит, что он бросает их даром, ни к чему, не впрок; напротив, он уверен, что земля не только сохранит вверенные ей семена, но и принесет плод от них сам-тридцать и даже сам-сто. Так и ты: щедро сей милостыню, веруя, что руки бедных суть самые верные хранители твоих избытков, и самые тучные и усыренные (плодоносные. – *Ред.*) почвы, на которых и малое сеяние благотворения твоего принесет обильный плод во время свое.

Сеющий, сколько бы ни сеял, не скорбит и не тужит; напротив, чем более засеет, тем веселее и благонадежнее бывает. Так и ты: чем обильнее твое милостынеподавание, чем шире круг твоего благотворения, тем более радуйся и веселись. Придет время, и Мздовоздаятель изведет тебя на удобренное, засеянное и оплодотворенное благотворительностью поле жизни твоей, и возвеселит сердце твое, показав стократно умноженное жито правды твоей.

Не труби пред собою

Не труби пред собою, заповедал Господь (Мф. 6, 2), и однако ж почти все трубят, или, вернее, почти у всех трубится. Кто-то подходит к сердцу, влагает в него уста свои и трубит, а человек внимает тому и восхищается. Хоть бы остепеняла нас мысль о том, что звук этой трубы, положим, хоть и нашей, но производится-то чуждою нам силою! А это и на ум не приходит; напротив, похвала нам кажется столь справедливою, что и поперечить ей как будто незаконно. Если рассудить как следует, то окажется, что тут-то мы и не достойны похвалы, когда трубим пред собою. Уж самое это трубление обличает скудость и недостойность наше. Когда ты услышишь звук этой пагубной вражьей трубы, отстранись несколько от себя и, противопоставив себя себе, начни судить себя нелицемерно. Кто-то трубит в тебе пред тобою, что то и то хорошо в тебе, или то и то хорошо тобою сделано. Вникни порядком, отчего тебе лезет это в голову и занимает твоё внимание? Оттого, подскажу тебе, что видно только и есть в тебе добра. Если б у тебя было много добрых-то дел, или были только все добрые дела, то каждое дело в отдельности исчезало бы в массе их, не давая себя заметить. Как тот, у кого много денег, и внимания не обращает, когда приносят ему какие-нибудь десятки и даже сотни рублей, или как тот, у кого много одежд, и минуту не займётся вновь сшитою одеждою, потому что их у него так много, что новая не представляет никакой особенности, так и богатый добрыми делами не станет останавливаться вниманием своим ни на каком частном своем деле. Каждое доброе дело исчезает у него, как капля в море, в богатстве его добродетели. Отсюда выходит, что если кто любит себя своим добрым делом, то это потому, что оно, видно, только одно и есть. Доброе дело, хоть и несовершенное, всегда привлекает взор, а если б этих дел было много, то глаза разбежались бы, не зная, на каком остановиться.

Вот ты и возьми себя с этой стороны, когда услышишь трубу в себе, да и растолкуй себе, что из того, что ты прицепился вниманием своим к этому делу, следует не самовосхваление, а укорение себя в скудости добродетелей. Верно, во всей сумме дел твоих не на что взглянуть, только и есть что на единственное это. А если это так, то состояние твоё жалости достойно. Нет, не одно у тебя должно быть доброе дело, а вся жизнь твоя должна быть непрерывною цепью добрых дел. Не смотри на льстивость помысла самовосхваления, а, уразумевав силу его, переходи поскорее к тому убеждению, что верно ты беден добром, угодным Богу, когда услаждаешься тем или другим похвальным поступком. Не к высокому о себе мнению восходи, а нисходи к самоуничижению и к чувствам покаяния. Как только это сделаешь – труба тотчас замолкнет.

Письмо благодетелю

Милость Божия буди с вами!

N... N... и N... N...

Премного Вам благодарен за Ваше такое доброе предложение купить для меня шубу для гуляния на балконе. Я никогда не сомневался и не сомневаюсь в Вашей готовности сделать все, что бы мне ни потребовалось. Во время пребывания моего на Выше, я имел этому много опытов, дающих мне возможность измерить всю широту Вашего ко мне доброхотства.

Благодарю Господа за утешения, которые Он благоволил доставить мне чрез Вас.

Но от Вашего предложения презентовать мне шубу отказываюсь, потому что шубка такая добрая и дорогая в моем положении, – излишнее дело. В зиму я выхожу только на балкон. От внешнего озноба ограждает меня овчинная шуба теплая-претеплая и такие же сапоги. К тому же дверь под рукою. Мало-мало зябкость покажется, – укрываюсь в хату, там и согреваюсь.

Так, пожалуйста, не сердчайте на меня, что отказываюсь. Ведь и Бог взыскал бы с нас, что попусту тратим такую сумму, на которую можно согреть десяток зябнущих бедных. Помиримся же на этом, и не пеняйте на меня.

Благослови Господи Вас всяким благословением.

Ваш доброхот

Епископ Феофан

18 декабря 1890 г.

Житие преподобного отца нашего Прохора, чудотворца¹

Он из травы, называемой лебеда, молитвой своей сотворил сладкий хлеб, а из золы – соль.

Богатый щедротами и милосердый Бог часто попускает зло на род человеческий, чтоб таким наказанием привлечь его к здравому разуму и понудить на добрые дела. Но если и казнит и наносит язвы, то непременно милует и не медлит подавать исцеления ранам, как можно видеть из жития этого преподобного Прохора. О нем сохранился следующий рассказ.

В дни княжения в Киеве Святополка Изяславича много насилия было нанесено князем народу. Без вины разрушил он дома сильных и у многих отнял имения. За то Бог и попустил, чтоб поганые осиливали его, и во время державы его было много нападений половцев и, кроме того, междоусобная брань, так что бывал тогда не раз голод и великая скудность на Русской земле.

В эти дни пришел из Смоленска в Печерский монастырь блаженный Прохор к игумену Иоанну и принял от него святой ангельский образ. Стал он подвизаться крепко в добродетелях и приучил себя к великому воздержанию, так что лишил себя и обычного хлеба, но собирал он траву лебеду и, перетирая ее своими руками, делал себе хлеб и им питался. В летнее время он заготавливал ее на весь год и, когда снова наступало лето, делал то же для будущего года, так что во всю жизнь он не нуждался в обычном хлебе, и прозван он был «лебедником», потому что кроме просфоры в церкви в келлии не ел никогда даже овощей, но только лебеду, и не пил ничего, кроме воды.

Бог, видя терпение святого в таком воздержании, претворил для него ту горечь хлеба, сделанного из лебеды, в сладость. И была ему вместо печали радость. Никогда не скорбел этот блаженный, но в радости работал Богу. Не страшился он никогда набегов неприятелей, потому что жил, как птица, не имея ничего, кроме лебеды, так что не мог он сравниться с евангельским богачом, говорившим: *Душа, много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись!* (Лк. 12, 19). Но и за траву ту, заготовленную на год, укорял себя, говоря: «Прохор, в эту ночь возьмут у тебя душу твою, а что приготовил ты – кому будет?» На деле исполнил этот блаженный слово Господне: *Взгляните на птиц небесных, они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26). Подражая птицам, преподобный легко проходил туда, где росла лебеда, и оттуда приносил ее в монастырь на плечах, как на крыльях. И так питался он несеянной пищей с непаханной земли, как птица.

Во время этих подвигов святого начался в Русской земле от постоянных войн великий голод, так что смерть угрожала людям. Бог же, желая прославить угодника Своего и помиловать людей Своих, умножил тогда произрастание лебеды более чем в другие годы; и потому блаженный Прохор все больше трудился, беспрестанно собирая эту траву, растирая ее руками и делая из нее хлебы, которые раздавал неимущим и погибающим от голода. Некоторые, видя, как он собирал лебеду, начали также собирать, чтоб пропитаться во время голода, но не могли есть от горечи. Тогда все нуждающиеся обратились к святому, и он не отказывал никому в своем хлебе из лебеды. И всем вкус этого хлеба казался сладким, как будто он был смешан с медом, так что охотнее хлеба печеного из пшеницы брали этот хлеб, испеченный из травы руками блаженного Прохора.

---

¹ Святитель Феофан в письме к своему корреспонденту советует прочитать приводимое нами Житие.

Но замечательно и то, что хлеб этот, только если давался блаженным с благословением, казался светлым, чистым и был сладок на вкус; а если кто брал его тайно, он становился черен, как земля, и горек, как полынь. Один из братии взял у блаженного хлеб тайно, без благословения, и начал есть. И он оказался в руке его как земля, а во рту горьким сверх меры, так что он не мог его есть. Так случалось несколько раз. Он стыдился открыть блаженному этот грех и просить у него хлеб с благословением. Но, будучи очень голоден, и не в состоянии выносить позывов голода, видя смерть пред глазами своими, пришел к игумену Иоанну и рассказал ему происшедшее, прося прощения. Игумен, не поверив рассказу, приказал другому брату взять тайно хлеб у святого, чтобы видеть истину, так ли это. Когда хлеб был принесен, оказалось то же, что говорил первый брат: никто не мог есть его от горечи. Этот хлеб был еще в руках их, когда игумен снова послал к святому попросить хлеба от его благословения. «Уходя от него, – сказал игумен, – возьмите тайно и другой хлеб». Когда эти хлебы были принесены, хлеб, взятый тайно, изменился перед ними и стал черным, как земля, и горек, как полынь, как и первый хлеб; а хлеб, взятый из рук его, казался чистым и был сладок, как мед. После этого чуда прославился Прохор повсюду и, напивав алчущих, оказал пользу многим.

После этого Святополк Изяславич, князь Киевский, начал междоусобную брань с Давидом Игоревичем, князем Владимирским, за ослепление на Требовле князя Василька Ростиславича, которого приказал ослепить Святополк, прельщенный Давидом Игоревичем; также и с Володарем Ростиславичем, братом Василька, князем Перемышльским, и с самим Васильком за область отца своего Изяслава, которую захватили Ростиславичи. И уже сам Святополк возвратился из похода в Киев, прогнав Давида к ляхам и посадив в его городе Владимире сына своего Мстислава, но не одолел Володаря и Василька и послал на них с уграми другого сына своего, Ярослава. В это время, при великом нестроении и беззаконных грабежах, не пропускали к Киеву купцов от Галича и Перемышля, и не было соли на всей Русской земле – и тогда народ был в великой печали.

Блаженный же Прохор, видя эту скудность, собрал в келию свою множество пепла со всех келий и, помолясь Господу, начал раздавать всем нуждающимся в соли тот пепел, из которого для всех молитвами блаженного образовывалась чистая соль.

И чем больше он ее раздавал, тем больше она умножалась, так что было достаточно не только для монастыря, но и мирские люди, приходя к нему, разбирали во множестве для нужд своих домашних. Ничего не брал за то святой, но раздавал даром всем, кто требовал. И можно было видеть, как базар пустеет, а монастырь полон людьми, приходящими для получения соли.

Тогда воздвиг враг великую зависть в купцах, продававших соль на торгу, лишенных вдруг ожидаемых барышей. Ибо они рассчитывали в те дни приобрести за соль богатство всего мира, но сильно в этом ошиблись, потому что прежде продавали слишком дорого, а теперь уж никто не покупал и дешево. Собравшись вместе, все торговцы солью пришли к князю Святополку с жалобой на блаженного: «Прохор, черноризец Печерского монастыря, отнял у нас большие деньги: всех неотступно привлек он к себе за солью, а мы, платящие тебе подати, не можем сбыть своей соли и через него разорились».

Князь же, выслушав их, замыслил две вещи – и прекратить их жалобы, и себе нажить денег. И решил он с советниками своими поднять цену соли, и, отняв ее у Прохора, самому быть ее продавцом через своих людей. И обещался он тем крамольникам: «Ради вас ограблю монаха». Мысль же о наживе своей он скрывал, желая угодить им, главным же образом готовясь из зависти ввести их в еще большие убытки – потому что зависть не может мириться с тем, что полезно для других. Святополк послал забрать всю соль у Прохора. Когда она была перевезена, он пришел сам посмотреть на нее с теми крамольниками, которые жаловались на блаженного, и все увидели, что пред их глазами пепел. Князь приказал некоторым

попробовать, и также во рту их оказался пепел. Много дивились они этому изменению и недоумевали. Желая узнать вернее, чем все это кончится, князь приказал сохранить пепел до трех дней.

А к блаженному, по обычаю, приходило множество народа, чтоб получить соль, но узнав о ее разграблении, возвращались с пустыми руками, проклиная того, кто это сделал. Блаженный же сказал им: «Когда соль будет высыпана от князя, тогда пойдите собирать ее себе». Князь, продержав ее до трех дней и не получив ничего, кроме пепла, приказал ночью высыпать ее вон.

А тот пепел, который высыпали, снова превратился в соль. Узнав об этом, граждане стали стекаться и с радостью собирали ее. Когда совершилось это дивное чудо, в ужас пришел князь, позволивший себе насилие. И так как он не мог скрыть этого дела, ибо оно совершилось перед всем городом, начал он исследовать, что это такое. Тогда рассказали ему все, что делал блаженный

Прохор: не только о той соли, бывшей из пепла, но и о хлебах из лебеды, которыми он пропитал множество народа, и как оказывались они сладкими, когда кто получал их из его рук с благословением, и горькими, когда кто брал тайно.

Узнав об этом, князь Святополк устыдился своего дела, пошел в Печерский монастырь и примирился с игуменом Иоанном. А прежде он имел с игуменом вражду за обличение в ненасытной алчности и в обидах народу, так что он даже заточил его в Турове. Но, убоявшись навлечь на себя вражду благочестивого князя Владимира Мономаха, вскоре возвратил его с честью в Печерский монастырь.

Из-за этих чудес Святополк стал с тех пор иметь великую любовь к Пресвятой Богородице и преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским.

А блаженного Прохора очень почитал и угождал ему, зная, что он истинный раб Божий. Пред ним он дал обещание Богу никому больше не творить насилия и укрепил это слово, говоря блаженному: «Если я, по изволению Божию, прежде тебя отойду от этого мира, ты своими руками положи меня в гроб, чтоб показать надо мной твое незлобие. Если же ты престоишься прежде меня, я, взяв тебя на плечи, внесу тебя в пещеру, чтоб за то Господь подал мне прощение тяжкого моего греха пред тобой».

После этого разговора блаженный Прохор прожил немало лет богоугодно в непорочном и скудном из-за поста житии и потом разболелся. Князь же Святополк был в походе против половцев. Тогда блаженный послал к нему с вестью: «Приблизился уже час исхода моего из тела; если хочешь исполнить свое обещание и получить от Бога прощение грехов, приди, чтоб получить разрешение и своими руками положить меня в гроб. Ожидаю прихода твоего. Если же ты замедлишь, и я отойду без тебя, то не моя будет вина, и поход окончится не так, как если бы ты пришел ко мне».

Получив эту весть, Святополк оставил войско и пришел вскоре к больному Прохору. Преподобный много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни и о бесконечных муках, дал ему прощение и благословение и простился со всеми окружавшими князя. Потом, воздев руки к небу, предал дух свой в руки Божии.

Князь же с черноризцами, взяв тело преподобного, отнес его в пещеру и своими руками положил его во гроб. Потом он отправился в поход и одержал великую победу над безбожными агарянами, пленил все области половецкие и привел пленных в свою землю. Эта победа, дарованная Богом Русской земле, была одержана по предсказанию милостивого блаженного Прохора.

И с тех пор князь Святополк, идя в поход или на охоту, всегда приходил в Печерский монастырь для благословения и с великим усердием и благодарностью преклонялся в Богом созданной церкви пред чудотворной иконой Пресвятой Богородицы и пред гробом препо-

добного Феодосия, также и в пещере пред гробами преподобных Антония и Прохора и всех прочих преподобных и лишь тогда отправлялся в путь.

И счастливо шло княжение его, получившее после многих кар Божие благословение через преподобного Прохора, и сам христоробивый князь Святополк Изяславич, быв свидетелем, исповедывал всем явно чудеса и знамения этого угодника Божия.

Его святыми молитвами и ныне среди постоянной борьбы да не лишатся русские люди брашна: особенно же вечно пребывающего и земного – творения воли Божией, и небесного – насыщения души, когда явится Его слава.

И этим святолепным брашном да насладимся мы с преподобным Прохором; уже не вкушением листьев лебеды и пепла, но зрением цветущего прежде веков естества

Божия и взятого с земли естества человеческого, которые соединены во Христе – Боге и человеке.

Ему с Безначальным Отцем и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом подобает всякая слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

**В издательстве Сибирская Благозвонница вышли в свет книги:
СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ**

Начала веры

Святой праведный Иоанн Кронштадтский – великий проповедник и молитвенник земли Русской. Слово его – слово пламенной веры во Святую Троицу, слово великой любви пастыря ко своим духовным чадам и ко всем чадам Христовой Церкви. В книге представлены размышления о душе человеческой, об истинном богатстве человека, о его предназначении, а также поучения о развитии добродетелей и о спасении христианина в лоне Православной Церкви.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

Лествица

Творение преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайского монастыря, названное «Лествица, или Скрижали духовные», было написано в VI веке как спасительное руководство к нравственной жизни. Хотя книга была создана для духовного совершенства иноков обители, любой христианин, живущий в миру, может получить с ее помощью надежного путеводителя в Царствие Небесное. Это сочинение христианского богослова, составленное из тридцати ступеней совершенствования, призвано научить человека, как бороться с пороками и страстями, как жить благочестиво и восстановить в душе образ Божий.